

людей, стремящихся к "труду" и не умеющих трудиться, сознающих то, что надвигается ~~хвала~~ буря, которая все переменит. Когда в понедельник вечером эти самые слова произносились Качаловым - Тузенбахом и Станиславским-Вершининым, в публике шел изумленный шепот. Большинство основательно позабыло Чехова, забыло, что в "Трех сестрах" он говорил такие вещи. И пьеса получала в свете нынешнего дня новую исторически-злободневную окраску. Играли и этот отрывок прекрасно, несмотря на ряд вмешательств аплодирующих поклонников. Правда, на ряде исполнителей уже сказывались годы, и внешность, голосовые данные, степень подвижности подчас не вполне гармонировала с ролью. У кого это не сказывалось вовсе - это у Станиславского, Качалова и Книппер. Станиславский играл Вершинина также, как двадцать лет назад, то-есть с полным совершенством и блеском. И его выступление дало зрителям в этот вечер одно из приятнейших "воспоминаний" из целой серии. Как хотелось бы увидеть его еще раз в облике упрямо-честного доктора Штокмана!

"Бронепоезд" был скачком в современность из истории, художественного театра. Посмотрев еще раз центральную сцену пьесы в этот вечер, убеждаешься, что постановка удалась полностью и ничем не ниже свойственного Художественному театру уровня. Качалов и молодежь театра играли в этот вечер с особенным блеском, как бы соперничая с предыдущими сценами. Установка тут взята на "народную драму" и на выявление максимум ре-волюционной динамичности: это особенно резко бросилось в глаза при сравнении с предыдущими сценами. И было ясно, что оба задания были осуществлены безошибочно.

Баланс вечера, да и всей деятельности театра, сам собой выводится тот самый, какой сделал т. Луначарский в своем док-